

18+

Александр Калинин-Русаков
Мне приснился дождь

**Александр Никонорович Калинин-
Русаков**

**Мне приснился дождь.
Сборник рассказов**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36590409

SelfPub; 2024

Аннотация

В дне ушедшем и наступившем невольно ищем что-то главное, определяющее, и неожиданно понимаем – это человек, который всегда был рядом, а порой и тот, которого случайно встретили накануне. Сами же в поисках неожиданных мест или событий опять срываемся с места, спешим увидеть горизонт. Только неожиданно оказываемся там, где уже когда-то были...

Содержание

Александр Калинин–Русаков	4
Как Пашка с душой разговаривал	9
Шахматы, а может и нет...	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Александр
Калинин-Русаков
Мне приснился дождь.
Сборник рассказов**

**Александр Калинин–Русаков
Мне приснился дождь**

Сегодня мне приснился дождь. Хотя нет, не приснился, я там опять был. Июньской ночью в палатке, на пустынном берегу за Янтарным, где узкий перешеек отделяет хрустальное озеро от Балтики. Разгулявшийся к ночи ветер неистово трепал натянутый брезент палатки, волны, шипя, не выползали на прибрежный песок, а, вгрызаясь в край, выбрасывали на него пенистые языки.

В наступившей ночи встревоженно чернело небо, порезанное то здесь, то там негативами вспененных гребней, окрашенных полутонами заката, светящегося гранатовой полоской над краем моря. Только вскоре погасло всё. Вслед за этим ломаные и ещё какое-то время беззвучные молнии металась в беспорядке между небесами и взбунтовавшимся морем. Из зарослей облепихи доносился жутковатый

крик поздней птицы. Всё походило на то, что будет хороший шторм.

Мы искали спасения внутри палаток и верили – они защитят нас. Но оказавшись за их матерчатыми стенами, вдруг ещё сильнее почувствовали стихию. Беспреданно хлопал крыльями брезентовый полог, трепетал забытый на крыше клапан от солнца.

Вскоре ветер окончательно почувствовал себя хозяином. Только в его поведении была не злость, а явное желание порезвиться, дать волю игривой силище. Ведь стоило ему всего лишь захотеть, он легко сбросил бы в море всю нашу тряпичную архитектуру, чтобы, не раздумывая, растоптать её ревущими волнами.

Крепчающий ветер пугал, ещё и ещё встряхивая палатку, на крыше которой не переставая трепетал забытый кусок ткани, привыкшей к полуденному свету и солнцу. Стали приближаться далёкие раскаты. Вот уже и первые капли застучали по брезенту.

Странно... Неожиданно стихло всё. Я вышел наружу, будто в иной мир, дотянулся до верха палатки и начал на ощупь отсоединять угловые петли клапана.

Неужели всё закончится, так и не начавшись? Тёплый ветер снова ласкает волосы, гладит спину. Похоже, погода даже извиняется за причинённые неудобства. Вот в просвете меж мрачных туч показался лоскут синего неба со звёздами. Отвечая им, в соседних палатках метнулись обрывки послед-

них огней. Пора спать...

В музыке природы, как и во всякой симфонии, есть своя последовательность. После нежного звучания адажио непременно наступит кульминация. И она случилась...

Дождь хлынул так, будто небо упало на землю. После того как над напуганным лагерем, прямо над крышами палаток, с грохотом и треском, похожим на разверзшиеся небеса, ворвались в темноту бело-синие разрывы молний, невольно начинаешь шептать...

– Господи, спаси и сохрани...

Похоже, пронесло. Не помню, как я оказался в палатке. Ветер натянутыми струнами свистел в оттяжках, волны, не унимаясь, с разъярённым упорством и грохотом рвали в ключья берег. Порой казалось, что палатка не устоит. Даже страшно стало по-настоящему. Только это был совершенно иной страх – сладкий, родом оттуда, из детства, когда всем нам было страшно и вместе с этим безумно интересно, даже весело. Давно ли вам приходилось испытывать эти два чувства вместе? Нет, не вспоминать, а именно чувствовать?

Отчего-то нестерпимо захотелось расковать себя, свою душу, мысли от стесняющих лат искусственного приличия и обязательств. Несравненное счастье – почувствовать вдруг близость детства... А ещё услышать мир вокруг, понимая, что он тоже слышит тебя. Ты для него дитя в колыбели. Позволь матери показать свою любовь и понянчиться...

Мы спрятались с головами под одеяло, вспоминая, как

бегали тогда босиком по лужам, ели самые вкусные в мире конфеты – круглые и дешёвые карамельки, обсыпанные какао-порошком. Так мы и уснули там, в беззаботном, карамельном детстве, где были выпцветшие на солнце волосы, обгоревшие носы и сбитые коленки. Шторм с грозой и ливнем резвился всю ночь...

Утром я проспал. Меня никто не будил. Я лишь слышал, как негромко разговаривают у костра Ольга с Юрой, вспоминая хуторскую жизнь, когда они пасли коров на хуторе, купались в Тильзитке, катались зимой с горы под названием «лихорадка». Еле слышно позванивала посуда, лениво трещал костёр, пахло дымом. Палатка, замерев у края голубого озера, грела бока под ранними лучами.

Вам когда-нибудь доводилось солнечным утром, после грозы, которая утоптала песок вдоль всего пустынного берега, броситься, сделав из палатки всего лишь шаг, в объятия волшебного озера?

Потом пили кофе, ели самые обыкновенные Гурьевские сардельки с горчицей. Валентина рассказывала про земляка из Гуляй-поле – батьку Нестора Махно. Санька и Никита спали. Вечером на знаменитый Юрин шашлык приедут Оксана с Денисом. Терпкий запах костра так густо смешался в низине с остатками ночного тумана, наверное, затем, чтобы помнили мы о нём всю зиму, а может быть, и жизнь.

Сегодня мне приснился дождь... Нет, пожалуй, не приснился. Я там опять был... Зачем? Затем, чтобы ещё раз при-

коснуться к счастью.

Янтарный, 2014 г.

Как Пашка с душой разговаривал

Посёлок Васильки, беззаботно удалившись от каменных городских громад, рассыпался по округе вольно и незатейливо домами, домишками, утлыми сараями, будто сухой горох по крашеному полу. Васильки будто хотели спрятаться подальше от шумного соседа, глубже укрыться от него среди деревьев, холмов, изумрудных лугов. И это у него получилось.

А город дышал рядом. Неугомонный и суетливый, он надсадно шумел низким голосом, тянулся к ночному небу манящим заревом и лишь ближе к утру затихал, будто набирался с восходом солнца сил для нового дня.

Лето, ожидаемое и радостное, звенело вокруг звонким жаворонком. С его приходом Пашка погружался в беззаботную и вольную жизнь. Гальку, старшую сестру, на каникулы отправляли к бабе Груне в Майское, мать семичасовым уезжала на картонажную фабрику, отец каждое утро отправлялся в дорожные ремонтные мастерские по извилистой тропинке вдоль железной дороги. «Напрямки», как говорил он. Наступало счастливое время. Пашка оставался наедине с собой. Свобода поселялась везде, сопровождая его в каждом шаге, движении и даже беззаботной мальчишеской мысли.

Выспавшись вволю, он, не торопясь, вставал, потянувшись, выпивал стакан молока, смотрел из окна и, прихва-

тив с собой что-нибудь со стола, спешил к старой иве у забора. Там он проворно взбирался на обсиженный нижний сук и, привалившись спиной к шершавому стволу, принимался изучать окрестности. Он любил заниматься этим, особенно в те дни, когда оставался один. Было в этом занятии какое-то необъяснимое любопытство, интерес к происходящему вокруг. Хотя что здесь интересного? Но отсюда можно было преспокойно наблюдать за течением жизни вокруг, не вторгаясь в неё, не становясь участником событий. Проще простого, сиди и наблюдай...

Вот дед Кузьма с белой, будто снег, головой ходит по огороду, потом с кем-то из домашних громко, даже криком, разговаривает. Он был глуховат, оттого и кричал. Все к этому давно привыкли и, когда разговаривали с ним, кричали ему в ухо. А он обижался. «Ну чего ты орёшь, – горячился старик, – всё я слышу, даже больше, чем следует. Так что урезонься...». Вообще-то он, дед добрый, может и мелочи на конфеты дать, особенно когда дерябнет тайком от старухи. Сейчас утро, и время разговеться для Кузьмы ещё не настало, вот он, наверное, и решил похозяйствовать. Но как знать... Не зря же он сегодня спозаранок в таком весёлом настроении. Скрипнула калитка на изгороди. Дед не спеша вышел, сел на скамейку возле дома и начал разговаривать с Туземцем. Это его кудлатый пёс, такой же старый и глухой, как Кузьма. Что-то долго и назидательно он объяснял собаке, пока та не уснула, пригревшись на солнце. А старик

громким и тонким голосом продолжал причитать: «Нет у тебя совести, Туземец. Хоть бы полаял на кого, страху нагнал. Видишь, кто-то по огуречным грядкам ночью пошуровал. А тебе только дрыхнуть! Охрана, мать твою!...»

– Всё ясно, – подумал Пашка. – Кто-то огурцы проредил у Кузьмы.

За второй изгородью серело полотно асфальта, по которому, будто чужеземные корабли, плыли фуры с диковинными надписями на чужих языках, тащились, завывая, колхозные ГАЗоны, скользили уверенные в себе иномарки, военные тягачи с танками. Это был загадочный и нескончаемый поток, который нёс людей из одной бесконечной дали в другую. Здесь, на сером асфальте, вершились великие и не очень понятные, сокрытые дела. Здесь целый мир вытягивался перед Пашкой ниточкой серого полотна.

Сзади раздался свисток тепловоза, следом за ним дружный перестук колёс о рельсы. Половина десятого. Московский пошёл... В поселке все привыкли сверять время с поездами. Первый шёл в шесть. Это товарняк. Он гнал со станции обработанные за ночь выгоны в Черняховск, на узловую. Через два часа возвращался с вереницей вагонов, цистерн, платформ. Спустя полчаса – дизель на область. Без пяти одиннадцать бесшумный пассажирский экспресс из трёх вагонов опять на Черняховск. Так и был расписан день на Васильках – по поездкам. У каждого своё время, свой перестук. Только как бы там ни было, всё равно больше всего любили

Московский. А уж если было время, непременно выходили посмотреть на его блестящие вагоны, белые шторы с синими разводами. Он был окном в большой мир, где большинство из них никогда, другие слишком долго не были. Каждый смотрел на лениво проплывающие мимо глазницы окон, будто разговаривал с кем-то из своих... Сестрой, дочкой, непутёвым сыном, который год не пишет письма и не едет.

Солнце настойчиво пригревало заспанное Пашкино лицо, плечи. От дома на пригорке отделились две фигуры. Одна из них – высокая, выше обычных прохожих. Это Татьяна – жена лесника Витьки из военлесхоза. Рядом с ней крохотная дочка. Нарядная и не по-детски молчаливая. Зовут её не то Ленка, не то Алёнка? Хотя, наверное, это одно и то же. Шли они медленно, часто останавливались, о чём-то говорили. «В магазин, наверное, за хлебом отправились», – подумал Пашка. Они всегда ходили в одно и то же время, даже шли каждый раз одинаково. «Странные люди, как им не надоедает делать одно и то же каждый день», – подумал Пашка. Неожиданно он вспомнил, что мать ему тоже велела сходить в магазин. Хлебовозка приезжала к десяти.

Мать была женщина характерная и напористая, так что лучше было не шутить. Сколько Пашка помнит, она, не переставая, пилила отца, чтобы они поменялись и переехали в город. Отец, и без того не слишком разговорчивый, замолкал после этого до конца дня. Домик, который достался им по наследству, был каменный, добротный. Его красное камен-

ное тело стояло неподалёку от железной дороги. Отец и работал в станционных мастерских. Когда по осени привозили машину угля, отец подводил к чёрной куче мать и, показывая рукой, приговаривал:

– Вот, полюбуйся, Нюся, уголёк отборный, видишь, как искрится. Жаркий. А главное – бесплатно, ни единой копейки платить не надо. Предприятие беспокоится.

– Игнат, да я готова горбатиться хоть в третью смену, – взрывалась мать. – Или взять ещё два станка, чтобы платить за центральное отопление. Лишь бы не таскать твою искристую холеру вёдрами, да после ещё кочегарить котелок, будто истопник.

– Эх, Нюся, кто нас с тобой в городе ждёт? – говорил потухшим голосом отец и привычно склонял голову.

Пашка слез с насиженного сука, постоял, послушал, как ухают на полигоне танки. Вслед за ними застрекотали автоматы, после отчётливые и гулкие крупнокалиберные пулемёты. Пора... Надо действительно сбегать в магазин. После обеда они с Арсюхой собрались на карасей. До вытянутого озера с небольшой протокой – пустык, полчаса на велосипеде. Зато караси там какие! Крупные, и ловятся хорошо. Вот домашним сюрприз будет. Придут с работы, а тут караси наловлены. Мать скажет потеплевшим голосом: «Вот те раз, ужин готов», и улыбнётся.

«Нет, мамка добрая. Строгая только», – подумал Пашка и сунул ноги в растоптанные сандалии.

Вчера был последний день занятий. Рыжий и полноватый Арсюха пробрался в переполненном автобусе к Пашке, хлопнул его по плечу и занял привычное место возле компостера, чтобы при появлении контролёра успеть пробить билеты. В предыдущий день дежурил Пашка. Так им удавалось сэкономить проездные копейки. Хотя из-за этого они уже получали крепкие нагоняи от матерей. Их «изобретение» кто-то из соседей подсмотрел со стороны и рассказал родителям. Из города обычно шли пешком, вместе с табунками цыган, которые возвращались домой после «заработков». В поселковую восьмилетку можно было не ездить, туда ходили в основном цыганята с окрестных домов. Никто не знает, почему их табор облюбовал этот посёлок на окраине. Цыгане всегда казались Пашке непонятными и загадочными людьми. Хотя дети у них такие же, как они. Он и сам дружил с Гарькой. Тот жил на первой от асфальта улице. Как он плясал! Что выделял этот черноглазый бесёнок... просто так, ради собственного удовольствия или чтобы повеселить мальчишек. Мог и за деньги выделять коленца у магазина. Народ у нас добросердечный, улыбается, кидает монетки в фуражку. Потом Гарька устраивал праздник с лимонадом и печеньем.

Его старшая сестра, Лариска, прошлым летом вдруг поменяла имя, превратилась в Оксану и вышла замуж за молоденького лейтенанта. Вскоре они уехали в Москву. Невесты на Васильках тогда иззавидовались и после долгих разговоров решили, что это приговор. Иначе быть не может. А

молодожёны живут припеваючи до сих пор. Прошлым летом с внучком приезжали. Белобрысый такой, но черноглазый, точно цыган.

Незаметно, будто сыпучий песок сквозь пальцы, утекли десять лет детства. Пашка с Арсюхой перестали ездить в школу. В то утро, перед тем как напоследок сесть в автобус, они вдруг, посмотрев один на другого, поняли: закончилась их автобусная жизнь. Надо было выбирать. Отец хотел, чтобы Пашка выучился на машиниста тепловоза.

– Работа обстоятельная, серьёзная, – говорил он, как всегда, не торопясь. После, подумав, добавлял:

– Кроме того, денежная, и с квартирой всегда будешь.

Мать недоверчиво косилась на него и бурчала:

– Денежная-то, денежная, только брюхо всегда чумазое. Нет, профессия нужна такая, чтобы интеллигентная, культурная. Чтобы там бумажки какие перебирать, подписывать чего-нибудь. Вот, к примеру, чем тебе плоха профессия бухгалтера. Всегда в тепле, чистенький. К тому же, при деньгах.

Галька, которая второй год училась в Политехе, советовала:

– Ты, Пашка, главное, не тушуйся. Чем выше начнёшь, тем дальше продвинешься.

Поступать они поехали вместе с Арсюхой. Тот вдруг надумал стать моряком. «Белый свет посмотрю, людей, другие

города, страны», – говорил он, улыбаясь, и с этой же улыбкой подал документы в мореходное училище. Пашка долго выбирал, переминался и подал в конце концов документы в университет, на факультет программирования. На время поступления они поселились у Арсюхиной тётки, Елены Тихоновны. В их просторной квартире приняли мальчишек, на удивление, хорошо. Кормили за свои деньги, беспокоились, когда они задерживались. Муж тётки, Пётр Ананьич, тоже славный дядька. Баловал их. То конфет купит, то по шоколадке. Он был в полной уверенности, что сладкое и шоколад необходимы для работы мозга. Мальчишки были этому только рады. По утрам он делал с ними зарядку, старательно приседал шумно дыша. Нередко, особенно по вечерам, тётушка просила: «Арсюша, расскажи, как там у нас, на Васильках? Что нового? Давно уехала, а всё скучаю». У них не было своих детей. Не случилось как-то. Вот и обрадовались они нечаянной суете, даже в зоопарк собрались мальчишек сводить. Только Пётр Ананьич вдруг спохватился:

– Слушай, Ленок. Им по девкам ходить пора, а мы их в зоопарк. Давай хоть в музей. Только какой?

– Музей Океана для мальчишек самое подходящее место. Там и выставка военной техники есть.

На том и порешили. В музей сходили, после долго сидели в кафе-мороженом. Потчевались. Только после этого у Пашки все радости и закончились. Пошёл он в университет на следующий день, там к обеду обещали списки принятых вы-

весить, да не нашёл свою фамилию в столбцах поступивших. Проверил ещё раз, даже для верности просмотрел всех. Нет, его там не было. Баллов не хватило, как выяснилось позже.

Сидя на блестящей от свежей краски скамейке перед университетом, он чувствовал себя каким-то поверженным, даже раздавленным. «Надо было не выпендриваться, а идти на машиниста. Вернее. А теперь что? На бухгалтера?».

Пришёл Арсюха в приподнятом и торжественном настроении. Его приняли в мореходку! Теперь до первого сентября он был определён и свободен. Однако для поддержания печального настроения друга сразу притих. Пашка, чувствуя на себе тяжесть взрослой жизни, молча сидел, покачиваясь вперёд-назад.

– Не молчи, – сказал Арсюха и сел ближе. – Чего-нибудь придумаем.

– Чего тут придумаешь, – буркнул Пашка. – Осталось только на бухгалтера.

– На бухгалтера или нет, это ещё подумать надо. Я тут в трамвае подслушал, девчонки разговаривали. У них в Народного хозяйства, на факультете общественного питания недобор. Берут всех, кто не прошёл в другие вузы. Вариант, и неплохой.

– И что же, я, по-твоему, на заведующего столовой пойду учиться вместе с девчонками?

– А если на директора ресторана? – парировал Арсюха.

– Ой, не знаю. От программирования в другую сторону.

Как-то я к этому не готов.

– Давай, давай... Возвращайся домой, – начал назидательно Арсюха. – Отец тебя в ДРМ слесарем устроит, а можешь в водоканал податься, там тоже работяги нужны. У тебя всегда по труду с железяками хорошо получалось. Жить будешь где? У родителей? Опять до города на «шестёрке»?

– Не хочу! – вдруг, распрямившись, проговорил Пашка. Уж лучше в Народное хозяйство.

Так всё и случилось. Не знал он тогда и не предполагал, что неудачей своей вытянул вполне приличную карту. Учился он как-то легко. Практику проходил в колбасном цехе, на мясокомбинате. Тут-то всё и случилось. Немолодая, крепкая женщина, которую звали Вероника Георгиевна, полюбила вдруг молодого практиканта. Была она фаршеприготовителем. Фигура на комбинате вроде бы незаметная, однако весьма важная, особенно для руководства. Концы с концами сводить – это было её магическое умение. Секрет любви раскрылся довольно быстро. Пашку позвали на день рождения дочки. С этого и началась его личная жизнь. Он начал захаивать за дочкой, которую звали Маргаритой, в кино или театр. Стал ездить на такси, на деньги, сунутые незаметно Вероникой Георгиевной, и вдруг понял, что всё это ему очень даже нравится. Нет, дочка была тоже недурна собой, остра на язык и даже остроумна. Поцеловались для начала, а там...

Теперь, , когда Павел Андреевич через много лет прие-

хал в родной город, мысли его, невольно вернувшись обратно, начали с какой-то щемящей болью цепляться за обрывки воспоминаний, старые дома, забытые улицы, даже звуки. Он долго бродил, пристально всматривался в лица прохожих. А вдруг... Никого не встретив, испытал странное ощущение чужого в родных стенах, но тут его кто-то окликнул:

– Паха!

Так его звали только в школе, да и голос этот, похоже, был ему знаком. Он обернулся, скользнул взглядом по прохожим – никого знакомых.

– Паха! Не узнаёшь?

Вдруг он понял. Это говорил тот, стоящий у серой стены почты, бомжеватого вида мужчина в вязаной шапочке. «Кто он?» – успел подумать Пашка. Он лихорадочно силился, однако вспомнить так и не смог. Незнакомец сделал шаг вперёд. Пашка тоже. Мужчина вдруг вскрикнул:

– Да это же я, Лёнька! Не узнаешь, что ли?

– Лешак, точно... Ты сильно изменился!

– А ты, Пашка, всё такой же гладенький, лощёненький. Гляди, даже на животик подобрел.

Пашка почувствовал, как осторожно вспыхнули румянцем щёки. В голове приготовился достойный ответ, но он промолчал.

– Как ты, Лёнька?

– Да, никак! Жизнь, сука, трещину дала! –дохнул мужик ядрёным перегаром. – С Валькой мы разошлись, мать умер-

ла. Живу теперь в её квартире, но великовата, думаю поменять на меньшую, с доплатой.

«Пропьёшь ты её», – подумал вдруг Павел Андреевич.

Лёнька был заметно рад встрече. Он нетерпеливо потирал красные руки и, глядя на Пашку лихорадочными глазами, улыбался.

– Ты-то как? Паха!

– Нормально. Работаю генеральным директором объединения. В совет директоров недавно вошёл. Работа хорошая, на прошлой неделе из Аргентины вернулся. Сейчас приеду домой и в Брюссель, на выставку. Одним словом, скучать некогда.

– А семья, дети?

– Есть. Жена, дочка учится в Англии.

– Круто у тебя всё. Кто б мог подумать, – проговорил Лёнька, нелепо перебирая руками, которые никак не мог пристроить. Он рад бы положить их в карманы, да правый был оторван под корень, а на левом зияла прожжённая дыра величиной с кулак.

Они говорили о чём-то старом, давно забытом, даже наивном. Только никак не получалось Павлу Андреевичу понастоящему вернуться туда, в те дни. Наконец он понял, что ему мешает. Это был запах пота, несвежего тела и давно нестиранной одежды. «Как всё плохо, – подумал он. – Надо как-то заканчивать».

– Паха, а чего мы с тобой на сухую, – предложил Лёнька. –

Пойдём, приткнёмся где-нибудь, выпьем за встречу. Только я пустой.

– Да, это не вопрос. Беда в том, что меня ждут на переговоры, – соврал вдруг Павел Андреевич. – Ты уж выпей за нас обоих, – проговорил он, неожиданно даже для самого себя.

Он залез в портмоне, достал несколько крупных купюр и протянул Лёньке.

– Держи...

Было похоже, что Лёнька оторопел. Он отступил назад, попытался несколько раз положить руку в несуществующий карман, потом негромко проговорил:

– Ты чего, Паха, не надо. Это всё временно, перетрётся как-нибудь. Выпить-то я и так найду. Я думал посидим, потолкуем.

– Давай, Леший, в следующий раз. Дела у меня срочные, – соврал опять Павел Андреевич

Попрощались. Лёнька неловко моргнул несколько раз, повернулся спиной и зашагал прочь. Отойдя пяток шагов, он вдруг развернулся, подошёл и, глядя Пашке в самые зрачки, сказал, улыбаясь:

– А знаешь что, Паха! Давай...

Он зажал в руке деньги и ушёл. Пашка смотрел ему вслед, пока его старая куртка с капюшоном не затерялась среди прохожих. Внутри отчего-то заныло, тоскливо и неприятно.

Павел Андреевич расстроился. Получилось как-то некрасиво и неправильно. Но отыскав объяснение произошедше-

му, он вскоре успокоился и вновь предался воспоминаниям.

Позвонила Маргарита. Долго и настойчиво объясняла, что надо дать дочке закончить обучение в Англии и оплатить, несмотря ни на что, последний семестр. Она уверяла, что дочурка непременно справится и сдаст задолженности по экономике. Да и преподаватель, этот индус, неслучайно не принимает к рассмотрению её рефераты. Он же просто помогает её. «Где здесь её вина?» – закончила Марго.

Потом, словно желая подать на стол десерт со сладким, она прошептала:

– Паша, я тебе такое скажу. Такое... – таинственно дышала в телефон Марго.

– Говори, если хочешь.

– А ты попляши, – звонким голосом продолжила она.

– Да полно тебе, говори уж. Не до шуток, – не выдержал Павел Андреевич.

– Тебя ввели в совет директоров объединения по Северо-Западу! Так что с тебя Мальдивы. Там очень тихо и мило, ты же помнишь...

Павел Андреевич отвечал невпопад. Он почему-то никак не мог сосредоточиться, что было на него совсем непохоже. То, что его ввели в совет директоров, он и без Маргариты знал, просто не торопился сообщать. Так надёжнее.

В пустом холле бубнил телевизор, гулкое эхо скакало по холодному полу, вторило шагам. Он взял у дежурной ключ. Обыкновенный, плоский, каких тысячи, с пластмассовой

биркой и выжженным номером. Сказал: «М-да...», – и поднялся в номер.

Выйдя на балкон, он глубоко вздохнул, навалился окрепшим брюшком на перила и стал рассматривать много раз виденную стену Дворца культуры, сквер напротив, уходящую в темноту улицу, пушистые ели под фонарём на углу. Раньше там была сберкасса, где происходило много раз обсуждаемое домашнее таинство под названием – «сберкнижка». Там они часто бывали с матерью или все вместе.

Время было позднее. Редкие фигуры прохожих беззвучно скользили где-то далеко, внизу. Из ресторана бухала музыка. Бронзовый вождь мирового пролетариата, похожий на голливудского Оскара, застыл на пьедестале в центре площади. Устроившись на просиженном диване, Павел Андреевич включил телевизор и недовольно заворчал:

– Номер-люкс называется. Телевизор приличный поставить не могут. А каналов? Кот наплакал.

Он ещё долго возмущался неудобствами номера, отсутствием должного комфорта. Попытался заказать ужин в номер. «Таких услуг у нас не предусмотрено», – проговорил женский голос приветливым, но безразличным тоном. Настроение у Павла Андреевича явно не складывалось.

– Может, поискать кого-нибудь ещё, встретиться, убить время. А, неохота, да и время позднее. Ладно, пусть будет как есть.

В родной город он приехал спустя много лет. Вынужденно. Надо было решать последние имущественные вопросы родителей. Дом после похорон матери больше полгода стоял заколоченный. Просто бросить его он не мог, и даже не из-за денег. Не мог, и всё... Павел Андреевич вдруг понял: заканчивается его пребывание в родном когда-то городе, и, наверное, навсегда. Заканчиваются даже воспоминания о том времени. За время расставания оно отдалилось куда-то недосыгаемо далеко, где его даже рассмотреть теперь непросто.

Он съездил на кладбище, оплатил уход за могилами на год вперёд, встретился с нотариусом, юристом, оформил доверенность на продажу дома агенту по недвижимости. Формальности были исполнены. Можно уезжать. Только сидела в Пашке, будто заноза, какая-то недосказанность, недоделанность чего-то...

В ресторане при гостинице, сотрясая старые стены полупустого зала, до невозможного громко рычали две колонки. Официант из-за этого плохо слышал, ему приходилось наклоняться. Однако довольно быстро принёс не очень настоящий «Цезарь», отбивную и бутылку минеральной. Павлу Андреевичу хотелось поскорее попасть в тишину, он быстро всё съел, выпил и попросил счёт. Уходя, он громко, в самое ухо наклонившемуся официанту, прокричал: «Скажите шефу, что мясо для отбивной морозить нельзя. Сочность теряется». В неожиданно наступившей музыкальной паузе он облегчённо вздохнул, сказал «спасибо», -и, уважительно скло-

нив голову, положил чаевые. Будто из грохочущего ада вышел он из ресторана и по длинному извилистому коридору прошёл в гостиничное крыло.

Войдя в номер, он почему-то не захотел зажигать свет и беспокоить какой-то неопределённый, устоявшийся полумрак. Всё было хорошо видно и без этого, благодаря приглушённому свету фонарей. Безрезультатно помучив телевизор, Павел Андреевич выключил его, отложил в сторону пульт. После этого он устроился в кресле и задремал... Множество текущих и повседневных забот достаточно суетного дня не утомили его и не оглушили. Он давно привык работать по десять, а то и двенадцать часов. Эта удивительная работоспособность не один раз служила ему хорошую службу.

Среди ночи он проснулся. Не вставая с кресла, долго смотрел сквозь желтеющее окно на серое небо с неясными звёздами. Потом задёрнул штору, разделся, лёг в кровать и закрыл глаза. Сон не шёл... Каким-то ватным покрывалом он беззвучно кружил над ним, но ниже не опускался. Прошло время. Павла Андреевича явно что-то беспокоило. Только что? В беззвучном сумраке он открыл глаза, долго смотрел в потолок, потом повернулся на правый бок и неожиданно увидел отчётливый силуэт напротив. Силуэт сидел в том же кресле, где до этого дремал Павел Андреевич. В голове невольно мелькнуло: «Не может быть. Что за чертовщина? Может, я не закрыл дверь?». Сначала он привстал, пытаясь рассмотреть гостя, потом сел. Силуэт, не двигаясь,

оставался на месте.

– Ты кто? – не до конца веря своим глазам, прошептал Павел Андреевич.

– Это я, Паша, твоя душа.

– Но душа, если она есть таковая, то живёт во мне.

– Так-то оно так. Только мне отчего-то поговорить с тобой захотелось. Спросить кое о чём. Накипело...

– Спрашивай... – с готовностью ответил Павел Андреевич.

– Я тебе вот что скажу для начала. Ты меня не остерегайся. Я – это ты. Ты же себя не боишься? Только предупреждаю сразу. Для меня ты никакой не Павел Андреевич со своим богатством и регалиями, а Пашка. И говорить мы с тобой будем напрямую, так что извини, если где-то получится резковато.

Это точно был не сон. Пашка осторожно потрогал себя за нос, погладил голову. Нет, всё похоже было наяву. Ему даже показалось, что душа слегка наклонилась к нему, чтобы удобнее было разговаривать.

– Для начала, я хочу тебя спросить, – начала душа. – Ты почему не в родительском доме остановился? К комфорту слишком привык?

– Так там газ отключён, разогреть даже не на чём.

– А электричество есть?

– Есть, – кивнул Пашка.

– Что же ты электроплитку не найдёшь? Где там спать,

надеюсь, тебе тоже рассказывать не надо. Хочешь на диване, хочешь на своей кровати. Постельное бельё на месте.

– Я как-то об этом не подумал.

– А ты подумай, Паша, подумай. Ты это неплохо умеешь делать, когда требуется.

– Хорошо.

– Теперь о дочке.

Пашка тяжело вздохнул.

– Ты не вздыхай, Паша. Уж ты-то понимаешь, что нельзя было её отсылать учиться за границу. С чего ради ты ей забугорную жизнь решил устраивать? Ты русский человек, и земля твоя здесь. Или ты забыл? Забыл то поле, по которому ранний туман распускается? Забыл, как полынь перед ночью пахнет? А дочке только воля нужна и твои деньги. Где-то упустил ты её, дружище, раньше ещё.

– Что же ты мне тогда не подсказала, – возразил робко Пашка. – Ждала, когда исправить будет невозможно? Попробуй устоять, когда они с мамкой целую систему придумали, чтобы меня уговорить. Да, если честно, то я всегда был против. Что у нас своих вузов мало?

– Эх, Пашка, – проговорила совесть. Я надеюсь, что не поздно ещё всё вернуть и начать сначала. Только ты к этому щекотливому вопросу со стороны жены подходи. Её сначала уговори, убеди, растолкуй. Открой глаза наконец. Тут у меня ещё один вопрос к тебе есть.

– Давай...

– Ты мне скажи честно, мил-человек. Почему проголосовал против кандидатуры Загорского при выдвижении в совет директоров? Боялся не пройти? Он-то свой голос тебе отдал. Голос этот и стал решающим. Ты же об этом прекрасно знаешь. Исправить надо бы. Запомни, Паша, навсегда. Не вилай. Мне от этого больно, до невозможности. Будто меня по лицу кто-то хлещет. Ты обо мне-то тоже думай. Я тебе, поди, не чужая. И вот ещё. Давно хотела тебе сказать. Не ловчи, Пашка, не нагибайся, ты же не такой. Не становись похожим на червяка.

– Я так и знал, что ты меня об этом спросишь. Пока не знаю как, но буду исправлять ситуацию. Хотя я уже решил. Вот приеду и потребую переголосования. Согласно уставу, я имею на это право.

– Давай, Паша, не отступай. Хоть и тяжелее будет, но зато честно.

Вот что я ещё хотела спросить тебя. Ты кто, Пашенька? Хозяин жизни? Почему, скажи мне, так с Лёнькой некрасиво поступил? Хвост чего распустил? На павлина стал похож. Стыдно мне сегодня за тебя было. Ты, Паша, тут останешься, а мне с отчётом к Нему являться надо будет. Как я объясню этот твой поступок? Недосмотрел? Почему ты не вник, даже не попытался помочь Лёньке.

– Как?

– Это ты подумай, раскинь своими хваленными мозгами. А то откупился, денег дал. Благодетель, посмотрите на него.

Ещё раз скажу, стыдно мне было за тебя.

Пашка склонил голову, как когда-то в детстве.

– Только я тебе верю, – продолжала совесть. – Ладно, давай на сегодня заканчивать. Устала я. Последний вопрос. Ты с Арсюхой давно разговаривал?

– Поздравлял с Новым годом.

– Сколько времени прошло? Осень уже стучится. Ладно, всё на сегодня, ложись спать.

– Нет, – возразил Пашка, – я сейчас Арсюхе звонить буду.

– Ночь. Ты подумай хорошенько, а то подхватился.

– Так он же во Владике. Сейчас самое то время для звонка.

– Ну, смотри. Тебе виднее, – сказала совесть, и кресло опустело.

Пашка долго и недоумённо крутил головой, потом глотнул из горлышка минеральной воды, даже побрызгал себе на лицо.

– Что это было? Сон? Нет, непохоже. Когда разговаривали, я на часы смотрел, двадцать минут назад получается. Часы, вот на эти самые, что лежат на тумбочке. Было это получается, было...

Он встал, несколько раз прошёлся по номеру, вышел в соседнюю комнату, потрогал входную дверь. «Закрыто» повторил несколько раз. Включил свет, внимательно осмотрел кресло, потрогал его.

– Чудеса, – проговорил он и взял телефон.

С трудом отыскав Арсюхин номер, облегчённо вздохнул.

Среди ночи непривычно и тревожно зазвучал вызов, вслед за которым в плоском теле мобильного раздался радостный возглас.

– Пашка! Долго жить будешь. Мы только сегодня с женой тебя вспоминали. Получается не зря.

– Как она? Как сам? – начал Пашка.

– Да всё нормально. Ты чего среди ночи звонишь? Это мы тут, отобедали уже. Я ведь понимаю, у вас ночь глухая. Не спится что ли?

– Есть немного. Ты-то, Арсюха, чем занимаешься?

– Стоим у стенки, рыбу сдаём.

– Ну вот, а я хотел тебя на рыбалку пригласить, на карасей. Приезжай. Помнишь наше любимое место под ивой, где ты линия на два кило вытащил. Только ты уж, наверное, нарыбачился вволю.

– Нет, наша рыбалка – другое дело. Работа – одно слово, а там, на длинном озерке – радость... Я почему-то часто нашу рыбалку вспоминаю, особенно раннюю. Солнышко еле-еле поднялось, туман ещё стоит, вода, будто зеркало, не колыхнётся... И поплавок... Душа там отдыхает.

Пашка повернулся и внимательно посмотрел на пустующее кресло

– Слушай, Пашка, ты где сейчас, а то я что-то не пойму?

– У нас я, в городе. Приехал вопросы по родительскому дому на Васильках решать. Сегодня с агентом встречался.

– А что, дом неплохой. Хозяин всегда найдётся, да и де-

нежка нелишняя. Не беда, если к нашему приезду продашь, можно и у сестрёнки пожить. Она только рада будет. Слушай, если ты не шутишь, правда, давай встретимся. Поговорить нам точно есть о чём. На зорьку сходим, карасей наловим, ушечку сварганим на костре. А может ты шутишь?

– Какой «шутишь», – категорично заявил Пашка. – Давай конкретно думать о сроках. Только приезжай с женой.

– И ты свою королеву привози. А моей только скажи, она уже готова.

– Привезу королеву. Только она сейчас не такая, как была.

– Чего так?

– Раздалась слишком.

– М-да, вот ещё. Ты хоть кого-нибудь из наших встретил?

– Пока только Лешего. Проблемы у него, пьёт крепко, жизнь какая-то вся наперекосяк. К Гарику заходил. Чавелы говорят, уехал он куда-то в Европу. Фамилия у него помнишь, литовская. Двойное гражданство получил и отправился счастье своё цыганское искать.

– Вот неугомонный. К сестрёнке обязательно загляни, привет передай. Здорово, Пашка, что ты позвонил. А то я уже подумал – всё. Была детская дружба и закончилась. Я Васильки часто вспоминаю, особенно почему-то в загранке. Смотрю на простых людей, а сам вижу наш посёлок, тех, с кем жили, росли. Всё одинаково, и у нас, и у них. Где оно их счастье людское, за какими околицами бродит?

– Согласен, Арсюха. Вот и я. Работаю как проклятый, тол-

каю перед собой этот успех, будто вагонетку. А толкать всё труднее и труднее. Может, нагрузил телегу не по силам, может, сам уже не тот. Брюхо вот отрастил, отдышка от лестниц появилась. Помнишь, как мы на танцплощадке втроём с моей Марго рок-н-ролл ломали. Не было у нас ни хрена, а счастье было... Может, живём мы как-то неправильно? Может, не понимаем чего, а сказать некому. Ушли все, кто нам мог сказать правду, и твои, и мои.

Повисла пауза, необъяснимая и длинная. Они ничего не говорили, не было слов, но каждый отчётливо понимал другого. Их мысли каким-то непостижимым образом доносились до каждого через обычный мобильный телефон, через немыслимые расстояния, говоря то, чего словами сказать было невозможно.

- Да, Пашка, будет нам о чём потолковать.
- Будет, Арсюха, будет... Удачи тебе. Ты когда в рейс?
- Через месяц.
- Я обязательно позвоню. До встречи, дружбан.
- До встречи, – сказал Арсений и вздохнул.

Пашка долго смотрел на неяркие на городском небосклоне звёзды за окном, пытался думать обо всём, но у него не получалось. Смешалось всё, поднялось из памяти, будто раннее солнце. «Как же я устал», – проговорил он шёпотом и свалился набок. Спустя некоторое время он повернулся на спину, раскинул в стороны руки и погрузился даже не в сон, а какое-то глубокое забытьё. Внутри у него всё насторожи-

лось и никак не могло успокоиться от непосильного груза свалившихся откровений.

Наступило утро, долгожданное и серое. Он сложил чемодан, позвонил, чтобы вызвали такси. Бодрая дежурная, увидев его с чемоданом, удивлённо спросила.

– Вы же хотели две ночи? Что-то изменилось?

– Жизнь... – сказал коротко Пашка и поджал нижнюю губу.

Всем, кто его знал, был хорошо знаком этот жест. Он хотел побыть один. Но девушка ничего об этом не знала. Она непонимающе смотрела на солидного мужчину и

поначалу даже подумала, что ослышалась. Потом поняла – нет.

– Вы, наверное, шутите, – расцвела она утренней улыбкой.

– Возможно... – сказал негромко Паша и вышел навстречу такси.

Мелкие капли сыпались на лобовое стекло. Это был не дождь, а плавающие в тугом, осеннем воздухе мириады невесомых капель. «Холодно, печку надо будет натопить», – подумал он и достал из кармана ключи от дома. Зажав их в ладони, он вглядывался в проплывающие вдоль дороги дома, серое полотно асфальта, разрозненные стайки цыган, бредущих вдоль дороги. Казалось, даже лица многих были ему хорошо знакомы.

Подъехали к дому. Что-то напряглось в горле, участилось дыхание. Он повернул ключ, открыл входную дверь в сени...

Напряжение неожиданно отпустило, будто без препятствий распрямилась сжатая за эти годы пружина. Само по себе стало вдруг легче в груди, голове, мыслях...

Знакомый до дрожи внутри, едва уловимый запах дома, который невозможно было спутать ни с каким другим, обнял его. Пашка открыл вторым ключом входную дверь, потянул на себя ручку... Дверь тихонько скрипнула.

Он долго осматривался, искал изменения, а их не было. Он ничего не забыл, ни от чего не отвык. Он просто вернулся туда, откуда ушёл. Ключ от дровяного сарая висел на привычном месте. Пашка сходил за дровами, сложил их в печурку, достал спичечный коробок из небольшой ниши сбоку печи и с трепетом поднёс спичку. Огонь принялсЯ нехотя, даже лениво облизывать сухие поленья. Потом разошёлся, загудел, начал весело потрескивать. Пашка сел на низкую самодельную скамейку, которую сделал ещё отец, откинулся спиной к перегородке и стал смотреть на огонь. Это было странное, невесомое состояние. Не было мыслей, не было нахлынувших воспоминаний... Само прошлое было вокруг. Неожиданно оно заполнило его, каждую клеточку, каждый нерв... Щёки вдруг полыхнули ярким свекольным румянцем, в кончиках пальцев запульсировала прилившая кровь. Он зачем-то долго смотрел на свои руки, потом приложил их к пылающим щекам и закрыл глаза.

Огонь стих, Пашка накинул пальто, вышел во двор. Ему не терпелось встретиться со старой ивой у забора. Какая она

теперь, как встретит? Спустя мгновение он уже трогал её шершавую кору, сохранившуюся, вопреки всему, знакомую ветку...

Повернув голову в сторону пригорка, он вдруг увидел две фигуры. Одна – женская, высокая. Рядом – ребёнок в яркой куртке, которого она вела за руку. Шли они медленно, часто останавливались, о чём-то говорили...

Пашку будто кто-то с силой толкнул в лоб. Он много раз видел это тогда, много лет назад. Однако всё это происходило сегодня и, без всякого сомнения, наяву. Откуда-то сзади долетел свисток тепловоза. «Через три минуты появится состав», – непроизвольно прошептал Пашка. Неподвластно себе и не думая ни о чём, он устремился навстречу прошлому, быстро и широко шагая по краю асфальта, чтобы успеть к повороту и встретить этих двоих. В распахнутом пальто, несколько запыхавшийся, он ждал, когда они подойдут, один большой и один маленький человек. Пашка жадно всматривался в их силуэты, пытаясь догнать немыслимую машину времени. «Татьяна, это она, точно она. То же лицо, тот же взгляд. Как такое может быть?» – спрашивал он себя. Вскоре они подошли.

– Здравствуйте, вы, похоже, нас дожидаетесь? – спросила молодая женщина.

– Здравствуйте. Вас зовут Татьяна? – просипел вдруг пересохшим голосом Пашка.

– Что вы, Татьяна – это моя дочка.

– Тогда как зовут вас?

– Лена.

– Как вы похожи на ту Татьяну...

– Какую?

– Дело в том, что в том доме на пригорке много лет назад жила Татьяна.

– Это моя мама. Но она умерла.

– А вы её дочка? И звать вас Алёна.

– Да... – кивнула она. – Вы откуда-то приехали?

– Вчера приехал. Я сын Андрея Трофимовича.

– Я всё помню. Вас зовут Паша. Я и думаю, до чего же знакомое лицо.

– Ну вот, разобрались наконец, – заулыбался Пашка. – Как вы тут поживаете?

– Доживаем.

– Чего так?

– Отец погиб в аварии. Дом этот ведомственный, вот нас и предупредили, что будут сносить. Здесь какая-то стройка затевается. В лесхозе не против, чтобы мы жили здесь, только дома попросту скоро не будет. Земля здесь федеральная.

– И куда вы теперь?

– Не знаю, снимать что-нибудь придётся. Много ли нам двоим надо.

– А муж?

– Муж был да весь вышел, – горько усмехнулась она и вдруг словно встрепенулась.

– Ой, чего мы стоим, давайте я вас чаем напою. Оладушки сегодня пекла. Не отказывайтесь! С клубничным вареньем! – задорно улыбнулась она.

– Не откажусь. Я сегодня не завтракал. Аппетита не было. Они долго и не торопясь пили чай, ели оладьи с вареньем. Пашка несколько раз трогал клеёнку с розами на столе, оглядывал небогатый деревенский интерьер, потом неожиданно сказал:

– А знаете что? Давайте я вам дом подарю.

От этих слов, а может, от чая, он даже вспотел. И сделалось ему после этого легко, как давно уже не было.

– Это как, подарить дом?

– Просто. Сейчас вызову такси. Мы поедем к нотариусу и оформим дарственную. Она поставит гербовую печать, и всё – дом ваш.

– Вы согласны?

– Согласна-то, согласна. Только как-то неожиданно всё. Я пока в себя никак не приду. А как же вы? Где будете жить?

– Есть у меня дом в другом месте. И от работы недалеко. Меня вполне устраивает.

– Это хорошо, когда работа рядом. Здесь у нас заправку строят за асфальтом, хорошо бы туда оператором или буфетчицей устроиться.

– У тебя образование какое?

– Торговый колледж. И практика есть. Я до родов в поселковом магазине три года работала.

– Ты, Лена, только не жди. Уже сейчас найди представителя компании и всё подробно узнай. Если надо, езжай на курсы операторов. Хорошая работа и рядом.

– А вы что же уедете насовсем? Даже приезжать не будете?

– Думаем с Арсюхой летом на рыбалку приехать. Ты его помнишь?

– Толстячок такой, конопатый.

– Вот приедем летом. На постой пустишь?

Она молча вытерла слёзы передником.

– Как же не пущу? – шёпотом проговорила она и обняла маленькую Таню.

Когда непроглядная осенняя ночь укрыла прозрачный купол аэропорта, Пашка достал мобильный, набрал вчерашний ночной вызов.

– Здорово, Паша, ты сегодня раненько, даже по-нашему, – пробасил Арсюха.

– Привет тебе от сестры. Был я у неё, правда, недолго. Хлопот много на один день пришлось.

– На дом документы оформлял.

– Продал, значит?

– Нет, подарил.

– Как, подарил? Кому?

– Витьки-лесника дочке. Помнишь...

– Конечно, помню.

– Дом их ведомственный под снос идёт. Ничего им никто

не предоставит взамен, это точно.

– Подожди, Пашка, караси наши от этого, надеюсь, не отменяются, – с тревогой спросил Арсений.

– Не отменяются. Устроимся, не чужие люди вокруг. И посидим с удочками. Озеро тихое, небо ясное, и мы с тобой... Хочешь, можем палатку поставить.

– А девушек наших отправим землянику на косогоре за Барсуковкой собирать. Пусть подрастрясутся, – весело хохотнул Арсюха.

Рейс был ночной. В самолёте было непривычно свободно. Соседнее кресло пустовало. После взлёта он задремал, а когда ненадолго проснулся, ему показалось, что рядом с ним кто-то сидит.

– Это ты? – спросил Пашка.

– А то кто же? – ответила совесть.

За гулом самолёта он не расслышал, что она сказала ещё. Только, прикрыв глаза, почувствовал, как невидимая и тёплая рука коснулась его лица.

Советск, 2017 г.

Шахматы, а может и нет...

Да, непрост уклад человеческого бытия. Как ни крути, живём не так, как хочется, а как кому-то, замечу не себе самому, заблагоразумится. А всё оттого, что находимся в неведение о дне последующем. Помечтать, конечно, можно, только что от того? Не позволено человеку видеть завтра. А коль не позволено, приучаемся думать рационально и дела впредь намереваемся вести только по расчёту и тонкому замыслу. Намерениями согреемся, придумаем будущее для себя, а оно опять получается не по-нашему. О ничтожный пустяк запнёшься порой так, что обрётённое годами мигом слетит вниз, будто куча-мала с ледяной горки. Катишься вместе со всем этим богатством под уклон и начинаешь понимать – выбраться будет непросто. Подняться поскорее захочется. Зубами от старания скрипеть будешь, голову всю продумаешь, только, как ни крути, не получается у тебя быстро подняться. А тут случай... Не ждёшь ты его и не надеешься уже ни на что. Только неожиданно по чьей-то нечаянной воле вдруг опять оказываешься на горе. Осмотришься. Стоишь вроде бы крепко, уверенность в себе чувствуешь. Отчего так произошло? Случай? А может, закономерность? Неизвестно, но подумать есть над чем...

В общем, так и живём, будто в потёмках, шага следующего не зная. А ведь как хочется... Всё было бы по-другому, на-

учись мы узнавать про день наступающий. Что-нибудь намечается где-то, а мы уже в курсе и готовы ко всему. Вот жизнь пошла бы... Всё по плану, по твоему предположению. Только что-то тут не так. Чувствую это одним знакомым ощущением и местом. Эх, разобраться бы во всём... По чьей воле случается такое, зачем? Вопросы, вопросы, а ответов нет...

На раздумья эти натолкнула меня встреча со студенческим приятелем Володькой Рябинкиным. Проговорили мы с ним тогда целый вечер, и вот что он мне рассказал. Замечу, совершенно искренне...

Как про то говорили, никто, кроме Творца нашего, не знает, чего таит в себе день завтрашний. Не знал того и Володька Рябинкин, встречая в очередной раз комиссию из области. А что? Дело привычное. Такие проверки всегда случаются накануне министерских или, как их ещё называют, «московских». Управление времени зря не теряет и, чтобы упредить нежелательное развитие событий, заблаговременно шлёт в цеха и участки расторопных людишек, чтобы те причесали ситуацию до приезда высоких инспекторов, подладили чего не так, подсказали, если требуется.

Сказать, что кабельный участок междугороднего узла связи, который находился в ведении Рябинкина, не готов к проверке, было бы неверно. Бумаги, журналы, акты испытания кабелей, техника – всё в порядке, как, впрочем, и сами сети.

Не заставив себя ждать, после обеда явился проверяю-

щий из области. Уверенный в себе, немногословный, но какой-то уж больно настырный и своевольный. Даже фамилия у него соответствующая – Самодуров. Рябинкин видел его в областном управлении пару раз, однако лично познакомиться так и не довелось. Поговаривали, что Самодурова этого назначили на серьёзную должность по какому-то важному протексту сверху. Так всё было или нет, до конца неизвестно, но люди о его «лапе» наверху говорили с уверенностью. Значит, знали. Как тут не поверишь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.